

С.А. Нижников

О мировоззренческом здоровье

Уже Эпикур говорил, что бесполезны слова того философа, которыми не врачуются страдание человека. Ведь философия, ее предмет и суть — не в абстрактном мышлении, а в том, что это наука о духовных основах человеческой жизни, и человек является ее главным субъектом и объектом одновременно. Выявленное знание о человеке и его положении в мире может выражаться в абстрактном мышлении и его средствами, но отнюдь не сводится к нему. Человек представляет собой микрокосмос, и в этом смысле объединяет три уровня бытия: материальный (биологический, телесный), психический и духовный. Поэтому и понятие здоровья может рассматриваться с этих трех точек зрения. Однако в гармоничном мировоззрении и личности они должны интегрироваться, чему современная действительность зачастую активно противостоит. Философия прежде всего заботится о духовном здоровье человека, исходя из которого он оказывается способным выстроить правильное руководство своей психической и телесной жизнью. Такому выстраиванию активно препятствуют суеверия, столь распространенные в современном российском обществе. Философия несовместима с суевериями, более того, ее одна из основных функций — очищение массового и индивидуального сознания от искажений, порождающих, вслед за мировоззренческой дезориентацией, психические и физиологические заболевания. Особо данная функция философии проявила себя в творчестве И.Канта.

Иммануил Кант полагал, что человек принадлежит сразу как бы двум мирам: **умозрительному** (ноуменальному) — своим духовным и моральным бытием, и **эмпирическому** (феноменальному, чувственному) — своим физическим существованием¹. И действительно, каждый может обнаружить, что человек, оставаясь единым и целостным существом, внутренне дифференцирован: он состоит из души и тела. Не будем затевать спор об их сущности и возможности бессмертия души. Отметим лишь, что в связи с наличием того, что мы обозначили как «душа», человека нельзя всецело свести к биологическому виду. Несмотря на то, что человека нет без тела, оно не представляет собой его субстанции. Оно лишь субстрат, сущность же человека заключена именно в душе. В связи с этим происхождение человека тоже будет двойственным: можно рассматривать как происхождение его тела, так и души. И хотя эти процессы тесно взаимосвязаны, они отнюдь не тождественны, ибо неравнозначны. Мы бы определили это соотношение следующим образом: **человек по природе — существо биологическое, а по сущности — социально-духовное**. Биологическое становление важно лишь как формирование материальной основы его существования. Но как бы хорошо эта основа ни была развита, своим собственным механико-биологическим развитием она неспособна породить человека в полном смысле этого слова. Это положение подтверждает тот факт, что если человек в самом раннем возрасте попадает во внеобщественную ситуацию взросления, то уже никогда не сможет стать полноценным человеком, научиться членораздельной речи и счету, несмотря на внушительный объем мозга и развитую кисть руки.

Итак, человек является одновременно частью природы и вместе с тем неразрывно связан с обществом. Биологическое и социальное слиты в нем воедино. Однако биологическое в нем уже не существует в чистом виде, оно социально обусловлено. Человек сам моделирует свое поведение и может выбирать различные социальные роли. Человеку свойственно ценностное отношение к действительности, он преобразует действительность в соответствии со своими постоянно развивающимися потребностями, создает необходимые ему материальные и духовные блага ценности. Человек создает как бы «вторую природу» — культуру.

В свете сказанного определение человека как только биосоциального существа выглядит недостаточным. Душа и тело в человеке нерасторжимы, но и неслиянны, ибо имеют свою качественную специфику: материальная деятельность направлена на удовлетворение телесных, биологических потребностей человека, а духовная — на удовлетворение интеллектуальных, моральных и эстетических потребностей. Однако, несмотря на теснейшую взаимосвязь указанных сфер, значимость их для человека и общества в разное время может быть различной. Человека делает человеком то, что отличает его от животного мира. А это и есть духовная сфера в обществе и душа в человеке. Если духовность и мораль не развиваются, то наращивание лишь технической мощи может привести человечество к гибели, так как оно не сможет разумно-нравственно воспользоваться собственным потенциалом и уничтожит себя и все живое или в ядерной войне, или в глобальной экологической катастрофе.

Учение И.Канта о суевериях как «болезнях головы» и диететике

Согласно Канту, «Философия есть *здоровье разума* (status salubritatis), в этом ее воздействие», она «должна (терапевтически) воздействовать как лекарство (material medica)»².

Общеизвестно, что в юности Кант отличался слабым здоровьем, в силу чего ему прочили короткую и непродуктивную жизнь. Однако философ смолоду разработал систему правил, диететики, режим дня, которым следовал неукоснительно всю жизнь. Диететику он понимал, как «умение *предотвращать* болезни, в отличие от *терапии*, которая стремится их лечить»³. Она действует *негативно*, в качестве способа *предотвращения* заболевания. Ее положения он изложил в работе *О способности духа одной только силой воли побеждать болезненные ощущения*⁴. Диететика «предполагает такую способность, которую может дать только философия или ее дух»⁵.

Биографы отмечают, что Кант любил повторять изречение «повелевай своей натурой, или она будет повелевать тобой». Он исходил из принципа «Работа — лучший способ наслаждаться жизнью» — чем больше ты сделал, тем больше ты жил⁶. В по-

следней изданной мыслителем работе *Антропология с прагматической точки зрения* (1798) Кант говорит на семьдесят пятом году жизни: «...работа — лучший способ наслаждаться жизнью».

Кант подчеркивает, ссылаясь на стоицизм, что философия может быть полезной человеку не только в качестве науки о добродетели, но и в качестве науки врачевания. Последнее возможно тогда, когда человек из разума определяет свой образ жизни и властвует над своими чувствами. Если же разум прибегает к услугам извне, к средствам физиологического воздействия (к аптеке или хирургам), то речь идет уже о механическом, эмпирическом, а не философском лечении⁷. Ученых Кант также призывает «соблюдать диету мышления»⁸, давать себе отдых.

В письме к Мендельсону (1783) Кант пишет следующее: «Уже давно одно твердое правило жизни составляет высший принцип моей диететики. Это правило, которое много времени тому назад я нашел не помню у какого английского автора, гласит: у каждого человека существует свой собственный способ быть здоровым, который он не может изменять, не подвергая себя риску. Следуя этому правилу, я всегда в состоянии преодолеть недомогание и избежать болезни; впрочем, я считаю, что всего долее живут в том случае, если менее всего заботятся о продлении жизни, но соблюдают, однако, осторожность, дабы не сократить ее каким-либо вмешательством в нашу благотворную природу»⁹.

В письме к Хуфеланду (1797) Кант пишет о своем намерении набросать и послать адресату план диететики, чтобы показать «власть духа над болезненными физическими ощущениями». В качестве лекарства Кант предполагал только меры психологического воздействия, которые в то время еще не применялись в медицинской практике. О себе он пишет, что, несмотря на 74-й год, средства, разработанные им, позволяли благополучно избегать множества болезней. К сожалению, множество дел не позволили Канту раскрыть в письме все секреты своей трудоспособности¹⁰. В письме к Шену (1802) Кант признается, что его силы с каждым днем тают, но отмечает, что по-настоящему никогда не болел и не опасается какой-либо серьезной болезни¹¹. Он был также убежден, что моральная культура необходима для физического завершения человеческой

природы, что «моральная, практическая философия является также универсальной медициной, которая, правда, не излечивает всех от всего, но необходимо должна присутствовать в каждом лечении»¹².

Однако физическое здоровье — лишь часть благополучия, для полноты которого необходимо присоединить еще нечто чисто моральное. То здоровье, которое можно приобрести при помощи философии, касается, прежде всего, гармоничного мировоззрения, отсутствия в нем суеверий, которые Кант определял как «болезни головы», наряду с физиологическими заболеваниями. И в своей последней работе, как и в ранней, он продолжает критиковать мистицизм Сведенборга: «Считать вслед за Сведенборгом действительные, воспринимаемые нашими чувствами явления мира лишь символами скрытого умопостигаемого мира, не более, чем мистика»¹³. Задача просвещения как раз в том и заключается, полагает Кант, чтобы символическое отличать от интеллектуального, иначе идеал будет подменен идолом. Предсказания, пишет Кант, «хвалят, когда они сбываются, и забывают, когда они не оправдываются, что позволяет сохранить известную веру в них»¹⁴. Все предсказания, продолжает Кант в «Антропологии», не только бесполезны, но и нелепы, ибо мыслят понятие свободы противоречиво¹⁵.

Кант опирается на моральные задатки в человеке, которые являются, по его мнению, *сверхчувственными*, но не *сверхъестественными*. Он отрицает всякое влияние мистических переживаний в сфере веры, называя их «душенадрывающими» («душераздирающими») и «душещипательными»¹⁶. В мистическом понимании веры он критикует неестественность веры, когда субъективные условия ее возникновения подменяют цель — добродетельную жизнь. Кант стремился пройти между «ортодоксизмом и умерщвляющим разум мистицизмом»¹⁷.

Культуру добродетели Кант называл моральной *аскетикой* и диететикой, цель которой — содержать себя в морально здоровом состоянии¹⁸. Мораль как основа веры (религии), согласно Канту, кончается там, «где кончается человеческий род», она «у всех людей изначально одна и та же»¹⁹, ибо имеет априорный статус. *Критика чистого разума* «определила человеку в мире исключительно активное *существование*», согласно ко-

торому «Человек сам изначально является творцом всех своих представлений и понятий и должен быть единственным источником всех своих поступков»²⁰. Согласно Канту, моральный закон «совершенно вырывает нас из [оков] природы и возвышает нас над ней». Он обеспечивает «присущее только человеку и отличающее его от остальной природы качество — моральность, благодаря которой мы являемся независимыми и свободными существами...». И далее: «Именно эта моральность, а не рассудок есть, следовательно, то, что делает человека человеком»²¹. Поэтому Кант говорит о необходимости этической гимнастики²².

Мировоззрение и суеверия

Первоначально может показаться, что мировоззрение и здоровье связаны между собой весьма условно, но это только на первый взгляд. На деле, вглядываясь пристальнее, между ними обнаруживается безусловная причинно-следственная связь. Человек — существо культурное. Каждая эпоха определяет его образ, то или иное понимание здоровья и пути к нему.

Мировоззрение представляет собой системную совокупность взглядов человека на окружающий мир, общество и самого себя. Роль мировоззрения в жизнедеятельности человека огромна, без него невозможно осуществление целеполагающей деятельности. Оно всегда стоит между человеком и миром, связывает человека с ним, а иногда, если оно искаженное, способно дезориентировать его.

Исходя из мировоззрения, человек определяет смысл своей жизни, который является основным мировоззренческим вопросом, ядром мировоззрения, на его основе формируются ценности, идеалы и установки человека. Мировоззрение исторично, определяется эпохой и временем, в которых живет человек. Однако развитая личность может превосходить своим мировоззрением ту эпоху, в которой живет. Такое мировоззрение прогрессивно, ибо отражает потребности как общественного, так и личностно-духовного развития. В противоположном случае индивидуальное мировоззрение может деградировать к предшествовавшим эпохам, носить суеверный характер, быть деструктивным и антипрогрессивным. Таково суеверное мировоззрение.

По видовым различиям мировоззрение может быть философским, религиозным, научным, обыденным и суеверным. Именно последнее является необъективным и дезориентирует человека. Девизом философского мировоззрения могут стать слова И. Канта: **«Имейте мужество пользоваться собственным умом»**. Обывателю может казаться, что он думает сам, на самом же деле его сознание заполнено штампами, стереотипами мышления, навязанными массовой культурой. Те, кто способен действительно мыслить самостоятельно, уже являются философами (не по диплому или виду профессиональной деятельности, а по складу ума).

Если первые виды мировоззрения являются позитивными, а последнее (обыденное) — терпимым, то **суеверное мировоззрение** искаженно воспринимает окружающий мир, оно — негативно. Его носитель извращает или вовсе отрицает как достижения науки, так и мировые религии вместе с философией. Субъективно он может причислять себя к какой-либо развитой религии, но подменять ее глубокое содержание своими или позаимствованными вымыслами (астрологией, колдовством, магией и т. п.). Суеверное мировоззрение опасно не только для индивида, но и для общества. Разрушить его может помочь приобщение к науке, философии и правильно понимаемой вере.

Вместе с тем необходимо отметить, что суеверия вполне могут присутствовать в любом мировоззрении, если оно не носит целостного характера. В целом же, в идеале, суеверия не совместимы только с философским и развито-религиозным мировоззрением, ибо только философия и религия способны своим методом объяснить весь окружающий мир: философия — на основе разума, а религия — на основе веры. Поэтому, строго говоря, может быть только два целостных мировоззрения, несовместимых ни с какими суевериями — это **философское** и **религиозное**. Однако на деле, в эмпирической жизни обычный верующий человек зачастую примешивает к вере еще и массу суеверий, не видя между ними разницы. Но вера и суеверия принципиально различны. Попробуем пояснить это.

Вера основывается на умозрительной идее и не носит натуралистического характера, в то время как суеверия — это своеобразная «суетная вера», вера во всякую чепуху. Суеверия все

гда натуралистичны, они дают буквальное толкование тому, что в вере толкуется духовно-символически. Вера дает простор свободе человека и утверждает ее, а суеверия всегда говорят о полной зависимости человека от каких-либо сил и духов. Суеверия, как и мистика, строят иные миры по образу и подобию, по аналогии с этим чувственным миром; по сути, они просто удваивают, утраивают этот мир. Вера говорит об ином мире как мире духовном, умозрительном, а не находящемся где-то в пространстве и времени. Вера говорит о вечности. Рай и ад — это духовные идеи, поэтому в этих понятиях бесполезно искать чудесные сады или чертей со сковородками. В религиозных преданиях эти символы могут присутствовать, но пониматься они должны не натуралистически. Суеверий всегда бесконечное множество, а вера — одна, хотя ее интерпретации могут быть различными.

Если суеверия не совместимы с философским и религиозным мировоззрением, то вполне совместимы с научным и обыденным. Да, наука противоречит суевериям, является их антиподом, но только с точки зрения методологии. Научная методология строится на причинно-следственных связях, проверенных экспериментально, а суеверия лишь на фантазиях и страхах. Но если мы говорим о мировоззрении, которое стремится организовать себя на научных началах, то в нем вполне могут соседствовать рядом с научными фактами самые абсурдные суеверия. Известно, что даже знаменитые ученые не лишены суеверий, когда начинают размышлять о том, что выходит за рамки их конкретной науки. Происходит это потому, что наука, в отличие от философии и религии, не способна объяснить абсолютно все, не способна заполнить все «пространство» сознания. Всегда остается нечто, что наука не может объяснить. Более того, с ростом научного знания растет и сфера непознанного. Только мудрец, который познал очень много, мог бы сказать, что он ничего не знает. Поэтому Сократ и говорил о себе: **«Я знаю, что я ничего не знаю»**. Знает «все» только невежда, который свои суеверия выдает за знания.

Исходя из того, что наука не все может объяснить, она, строго говоря, не может построить и целостного мировоззрения на собственных началах. В этом смысле можно сказать, что науч-

ное мировоззрение в принципе невозможно, возможно лишь мировоззрение, которое стремится использовать в объяснении мира те знания, которые может ему предоставить наука, но она может предоставить весьма немного. Поэтому в таком мировоззрении остается место или для философии, или для религии, или в конечном счете и что проще всего — для суеверий. Ведь для того, чтобы дополнить мировоззрение философией, ее необходимо знать. А это большой многолетний труд интеллекта. Философия не дается так просто, как чтение гороскопа. А для того, чтобы дополнить его развитой формой религии, мировой религией, необходимы тоже немалые познания, нужно приобщение к традиции, знание ее. Все это также является длительным и сложным процессом. А вот для восприятия суеверий нет необходимости ни в интеллектуальном развитии (не надо напрягать мышления), ни в познании духовных традиций и истории. Суеверия сразу дают ответы на все вопросы, иногда даже не нужно читать, достаточно включить телевизор и посмотреть очередные «глобальные прогнозы» или беседы с различными «магами» и экстрасенсами, излечивающими на 150% от всех болезней и с первого сеанса. Распространение суеверий в российском обществе можно назвать интеллектуальным геноцидом, так как это ведет к разрушению нации изнутри, ее духовного строя.

То, что философия выходит за рамки строго научного знания, отнюдь не означает, что к ней каким-либо образом могут относиться суеверия. Вненаучное знание также не тождественно им, ибо вненаучное еще не означает иррациональное, а суеверия таковы. Их можно охарактеризовать как заведомо искаженное представление человека о какой-либо действительности. К суевериям можно отнести все вымышленное, никак не подтвержденное, иллюзорное. Вместе с тем к ним нельзя отнести, например, художественный и творческий вымысел, сказки или фантастику. Они являются элементом культуры, предназначены для воспитания, развития воображения и мыслительной деятельности, в то время как суеверия ничего не развивают, напротив, сужают сознание человека, делают его фанатичным и трусливым, не несущим ответственность за свои поступки, все списывающим на какие-либо потусторонние

силы. Суеверия являются плодом не культуры, а бескультурия и невежества. Они не только не ушли в прошлое, но современная массовая культура и СМИ распространяют их денно и нощно, стремясь привлечь недалеких обывателей, слушателей и зрителей. К особо популярным суевериям современного «просвещенного» человека можно отнести такие «систематические» суеверия и псевдонауки, как астрологию, магию, парапсихологию, экстрасенсорику, предсказания (типа Нострадамуса) и т.д.

Важно понять, что данные суеверия не безвредны, они способны гипнотизировать человека, внушать ему определенные идеи относительно себя и общества, деформировать в результате его личность, дезинформировать и дезориентировать. А если таких людей набирается достаточное количество, то они оказываются способными негативно влиять на общественное развитие, сеять в обществе панику и создавать психозы. Так время от времени ждут конца света, общаются с инопланетянами из НЛО, создают вечные двигатели, каждое новое событие вдруг вычитывают у Нострадамуса (правда, тогда, когда оно уже состоялось).

Философия не имеет ничего общего с названными и многими другими суевериями, как прошлого, так и настоящего. Одно из двух: или человек стремится познать себя и мир такими, какие они есть, или он подменяет реальное, хотя и труднодостижимое познание вымышленными и в конечном счете вредными иллюзиями. Это не значит, что нужно плохо относиться к сказкам или не читать научную фантастику, — это как раз полезно, а иногда даже необходимо, в зависимости от возраста. Названные жанры литературы не обманывают нас, они не понуждают верить в то, о чем повествуют, а развлекают и забавляют, приносят эстетическое, художественное удовлетворение. Суеверия же требуют жертв, фанатичной веры, порождают страх и неуверенность. При полном подавлении сознания суевериями человек совершенно теряет ориентацию в мире, перестает адекватно себя воспринимать, плохо относится к окружающим. Наступает духовная шизофрения, от которой сложнее излечиться, чем от физиологического или психического заболевания. Необходимо заново учиться мыслить и трезво воспринимать окружающий мир.

Особенно опасны для личности и общественной жизни такие суеверия, как предсказания определенного будущего, будь то на индивидуальном или социальном уровне. Опасность заключается в том, что человек, будучи чрезвычайно сложно психически устроенным существом, может подвергаться как гипнозу, так и самовнушению. Веря в некую предопределенность, о которой ему говорит какой-либо астролог или предсказатель, человек сам формирует ее, в то время как он свободен. Человек есть то, что он думает о себе, во что он верит. Он — единственное сущее, способное к самоопределению, самосозиданию. Любое суеверие уничтожает или, в лучшем случае, ограничивает человеческую свободу и альтернативность общественного развития. Философия и мировые религии утверждают эту свободу, поэтому они несовместимы с указанными суевериями. Согласно философии человек способен строить свою жизнь исходя из разума, а согласно развитой религии — из веры в абсолютное благое начало, которое превыше и могущественнее как звезд, так и земных прорицателей.

Глубокой критике подверг суеверия Гегель в «Энциклопедии философских наук», причем особо в ней досталось астрологии. Правда, современный человек иногда предпочитает читать о «предсказаниях» последней. Гегель доказывал, что «содержание астрологии следует отвергнуть как суеверие», ибо «индивидуальное вообще само создает для себя свое пространство и свое время»²³. Кант об астрологии пишет следующее: «...к астрономии примешалась мистика, которая поставила в зависимость не числа мировых эпох от событий, как того требует разум, а, наоборот, события от известных священных чисел, и таким образом превратила в сказку саму хронологию, столь необходимое условие всей истории»²⁴. Хронология должна соотносываться с историей, а не история с хронологией. Кант выступил против всякого злоупотребления числами, перенесения их внешних закономерностей в духовный мир человека.

Что касается астрологии и подобных ей лженаук, то дать их критику не составляет особого труда, тем более что это давно уже сделано в предшествовавшей духовной культуре. А вот относительно веры существует много заблуждений.

С верой мировых религий суеверия несовместимы потому, что они носят натуралистический, эмпирический, аморальный характер, в то время как вера — умозрительный и духовно-нравственный. Однако религиозная вера не всегда выдерживает этот критерий. В сознании верующего человека может заключаться масса суеверий, с самой верой несовместимых. Хотя если быть последовательным, то невозможно одновременно верить в умозрительную идею (Бога) и в астрологический прогноз или черную кошку. Но обыденное сознание почти всегда эклектично и противоречиво, человек сам себе может не отдавать отчет в том, во что он верит и как верит.

Идолопоклонство всех видов — вот суеверия современного человека. Вера же, как феномен умозрительный, не должна противоречить науке, а наука не может отрицать веру. Между тем суеверия несовместимы с научным методом познания.

Казалось бы, вера в пророчества объединяет веру с такими суевериями, как предсказания Нострадамуса. Но на самом деле это совершенно не так. Религия может говорить о конце света, но она не говорит, в каком году произойдет, даже запрещает прогнозировать на этот счет. Религия не предсказывает пророчествуя. *Пророчество* в отличие от *предсказания* носит всецело умозрительный характер. В этом смысле конец света наступит тогда, когда люди на земле окончательно духовно-нравственно деградируют. С таким пониманием конца света может согласиться и разум. Между тем философия не предсказывает и не пророчествует, но способна делать прогнозы, которые могут, как сбыться, так и нет, ибо существует множество труднопредсказуемых факторов, влияющих на развитие личности и общества.

Мистика и вера, рациональное и иррациональное

Достоинство научного метода состоит в том, что он носит всеобщий, объективный и доказательный характер. Но есть у него и недостатки: не все можно подтвердить или опровергнуть экспериментально, ибо не все человеческое знание носит чувственный и эмпирический характер. Есть формы вненаучного познания, которые тоже являются познанием, но критерии ис-

тинности у них другие, нежели у науки. Это необходимо понимать, чтобы не распространять методы науки на то, что в принципе невозможно верифицировать экспериментально. К таким вненаучным формам познания можно отнести философию, религию, искусство, мораль. Они являются вненаучными, ибо их методы шире научных, не ограничены ими, но они не являются, вместе с тем, и антинаучными, иррациональными. Просто в них присутствует другой тип рациональности. Что касается мистики и иррационализма, то они не являются познанием вовсе, ибо строятся либо на вымысле или суеверии (мистика), либо на утверждении агностицизма. В связи со сказанным можно разграничить следующие понятия:

- **рациональное**, свойственное для науки;
- **внерациональное**, свойственное для философии, религии, искусства, морали, которые не ограничиваются рациональным познанием, выходят за его пределы, но не отрицают научные знания в пределах компетенции науки;

- **иррациональное**, к которому можно отнести мистику и все суеверия, гностическую псевдодуховность и др. Иррациональное не совместимо с рациональным и не входит во внерациональное. Оно способно порождать всевозможные гибридные формы, которые могут претендовать или на духовность (секты, экстрасенсорику и парапсихологию, магию, некоторые новомодные «духовные» течения и методы лечения и т.д. и т.п.), или на научность, будучи по сути псевдонаукой, ибо несовместимы с ней по методу (уфология, астрология и многое другое);

- **сверхрациональное**, к познанию которого стремятся философия, религия и искусство и понятием которого злоупотребляет иррациональное. Сверхрациональное можно определить и как духовное, ибо последнее может входить в первое. Мистика и суеверия не сверхрациональны, а примитивно «рациональны» и эмпиричны. Они претендуют на статус сверхрационального знания, оставаясь в пределах рационального, но строят на его основе «иные миры», противореча тем самым эмпиризму и рационализму в собственном смысле слова. Иррациональное незаконно использует как рациональное, так и сверхрациональное, будучи по сути псевдорациональным и псевдосверхрациональным.

Чтобы понять сказанное, необходимо подробнее рассмотреть некоторые из форм как познания, так и псевдопознания.

В переводе с древнегреческого мистический означает «таинственный». Этот термин характеризует, видимо, тот факт, отражающий положение человека в мире, что любое познание последнего расширяет сферу непознанного. Сущность человека и бытие мира уходят своими корнями в таинственное как неведомое и даже непостижимое, и в этом нет ничего противоестественного. Мистика, в силу своей обращенности к таинственному, всегда относится со скепсисом к уже полученным знаниям, что стимулирует человека на поиски, открывает для его познания новые, ранее неведомые области. Новые типы культур и знания зарождаются первоначально в интуитивной сфере и мистическом обрамлении, а затем уже приобретают тип определенной рациональности и законченность форм. Гераклит и Пифагор были тесно связаны со жрецами и всякого рода прорицателями; первоначально архетип христианства разрабатывался в мистической философии Филона, Оригена, Григория Нисского и Максима Исповедника; мистика Майстера Экхарта и Якоба Бёме послужила катализатором мысли для немецкой классической философии. Таким образом, видно, что в мистической оболочке движется само духовное, хотя оно еще и не облечено в определенную форму (философскую, научную или религиозную). В конце концов, мистическое является корнем религиозных представлений. Философские метафизические категории тоже несут его в себе, ибо многие из них скорее постулируются, чем доказываются. Мистика в положительном смысле — это постоянная открытость человека неведомому, постоянное вопрошание и поиск. И здесь налицо присутствие и реализация духовного феномена и познавательного интереса. В таком виде мистика является основой религии.

Но мистика может иметь еще и другое значение: она может пониматься как экстрасенсорика и парапсихология или просто как некие взгляды, конструирующие иные уровни бытия. И дело не в том, что это все фантазии, а в том, что это уже не имеет никакого отношения к духовному, а зачастую и к объективному познанию. В данном случае мистика представляет собой лишь развертывание обычного способа человеческого по-

знания, только в нетрадиционные для современной культуры области. Дело в том, что духовное познание не характеризуется экспансией вширь, оно качественно отличается от всех иных способов познания тем, что идет вглубь. Если научное и экстрасенсорное познание любых видов распространяется по горизонтали, хотя и в разных направлениях, то духовное выступает по отношению к ним как познание вертикальное: не как познание относительно только способностей человека и его свойств, их развития, а как познание относительно обладателя их или познание сущности, самости, природы человека. Духовный человек озабочен не столько развитием своих способностей и расширением горизонта познания, сколько обнаружением своей сущности или улучшением своей природы, т.е. нравственным очищением. Его интересует прежде всего то, как правильно распорядиться тем, что он уже имеет.

Понятие веры чрезвычайно сложно и может трактоваться с различных сторон и в совершенно различных смыслах: как мировоззренческий принцип, психологическая и гносеологическая установка, как нечто присущее исключительно религии. Однако вера не сводится к религии и может рассматриваться в чистом виде.

В вере прежде всего выражается мировоззренческая позиция человека. Вера фактически определяет все мировоззрение человека, центрирует его. Бхагавадгита гласит по этому поводу: «Сообразно сущности каждого бывает его вера, Бхарат. Человек образуется верой, он таков, какова его вера»²⁵. И в этом смысле уничтожение веры грозит невозможностью осуществления человеком целеполагающей деятельности вообще, распадом духовного строя личности. Вера является важнейшим свойством сознания, определяющим духовное познание. Человека поэтому можно назвать существом верующим, ибо он не может ее избежать. Разница между людьми заключается не в факте существования или отсутствия веры, а в разнице ее содержания. В этом смысле атеизм тоже вера, только в небытие Бога, а теизм — вера в Его бытие. Как первое, так и второе одинаково недоказуемо, это явствует из более чем двухтысячелетних попыток философии доказать тезис или антитезис. Хотя доводы существуют и с одной, и с другой стороны.

Необходимость веры вытекает из положения человека в мире и наличия сознания как целостного феномена. Полностью быть заполненным знанием может лишь божественное сознание, человеческое же, по мере разворачивания познания, увеличивает и горизонт непознанного. Но для действий человека в мире и обоснования нравственности ему необходима абсолютная установка, исходящая из предположения, будто бы он уже все познал, ему необходимо понятие конечной причины всего существующего и абсолютного блага. Как метафизические категории, так и духовные символы религии представляют собой духовный идеал человека. А идеал, будучи по природе идеальным, требует к себе отношения на основе веры, что не исключает и знания. Вера вообще выражает собой отношение самосознания человека к духовным образованиям внутри его же сознания. И в данном аспекте вера не противоречит разуму, но, как и он, коренится в способности человека к умозрительной деятельности, на основе которой возможно развитие философии и религии.

Глубокую разработку понятие веры получило в русской философии. Так С.Н.Булгаков определяет веру как «функцию человеческой свободы». Вера по своей сути и есть, пожалуй, один из крайне немногих, а то и единственный способ постижения непостижимого, гносис о запредельном. И как гносис она есть вместе с тем и знание. «В познании философском, — отмечал Бердяев, — познается целостное существо человека. И потому в познание неизбежно входит вера»²⁶.

В духовном плане вера определяется как чистое духовное ведение. Бог как объект веры является чистым глубочайшим духовным пониманием. Вера является трансценденцией к Нему. В полном смысле слова наличие абсолютной веры свидетельствует об обретении человеком своей сущности, ее развернутости и самоочевидности в духовном созерцании объекта веры. Предстоя Богу в молитве, верующий через трансцендирование обретает имманентное, свою сущность. Тогда уровень веры показывает и степень развернутости сущности человека.

Она есть также целостный личностный акт, объединяющий в себе как результат опытных данных, так и умозрительные представления человека, определяющие его мировоззрение и практическое поведение. Вера задает горизонт знания и по-

знания. Здесь раскрывается еще один, гносеологический аспект веры, который выделяют многие философы. Это данность внешнего мира, уверенность в его существовании. Вместе с тем «вера не есть преходящее, мимолетное состояние человеческой души, а постоянный определенный *tonos* ее, — **целостность**, или **целомудрие** духа»²⁷. Согласно Максиму Исповеднику, «вера есть недоказуемое знание», но, отметим, — все же знание. Однако если опытное и логическое знание принудительно, то основанное на вере избирается свободно. Вера поэтому всегда связана с риском.

Путь спасения от суеверий лежит в плоскости приобщения к истории философии, что наиболее предпочтительно, или к духовным традициям, которые прошли многотысячелетний искуc. Сектанство и новомодные «духовные» движения — это «отщепенцы» от магистральных путей духовного развития человечества. В них украденная у истинных традиций частичка истины раздувается до границ мировоззрения. Однако интеллектуальное обоснование и моральный облик таких движений и сект оставляет желать лучшего. Они предлагают новые виды суеверий, изобретенные уже современным человеком, ищущим обогащения или славы.

Задача современного общества и человека заключается в выработке гуманистического по содержанию мировоззрения, каким бы оно ни было по виду: философским или религиозным, научным или обыденным²⁸. Прогрессивное мировоззрение современного человека должно содержать в себе нравственные и правовые нормы, социальные приоритеты и гуманистические ценности. Современное общество, основанное на правовых и демократических принципах, утверждает свободу совести, а значит, и мировоззренческий плюрализм. Вместе с тем Конституция Российской Федерации запрещает «разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни» (ст. 13.), недопустимы призывы к насилию.

Примечания

¹ *Кант И.* Спор факультетов. Калининград, 2002. С. 174.

² *Кант И.* Соч.: В 8 т. Т. 8. М., 1994. С. 247.

- ³ **Кант И.** Спор факультетов. С. 228.
- ⁴ Там же. С. 224–269.
- ⁵ Там же. С. 226.
- ⁶ **Гулыга А.** Революция духа: (Жизнь и творчество Иммануила Канта) // **Кант И.** Соч.: В 8 т. Т. I. М., 1994. С. 6–7.
- ⁷ **Кант И.** Спор факультетов. С. 234.
- ⁸ Там же. С. 252.
- ⁹ **Кант И.** Соч.: В 8 т. Т. 8. С. 513.
- ¹⁰ Там же. С. 569.
- ¹¹ Там же. С. 584.
- ¹² **Кант И.** Спор факультетов. С. 226.
- ¹³ Там же. С. 216.
- ¹⁴ **Кант И.** Соч.: В 8 т. Т. 7. М., 1994. С. 211.
- ¹⁵ Там же. С. 212.
- ¹⁶ **Кант И.** Спор факультетов. С. 136.
- ¹⁷ Там же. С. 146.
- ¹⁸ **Кант И.** Соч.: В 8 т. Т. 6. М., 1994. С. 533.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же. С. 173–174.
- ²¹ Там же. С. 180.
- ²² Там же. С. 534.
- ²³ **Гегель Г.В.Ф.** Энциклопедия философских наук: В 3 т. Т. 3. М., 1977. С. 54–55.
- ²⁴ **Кант И.** Соч.: В 8 т. Т. 8. С. 213.
- ²⁵ Бхагавадгита. Ашхабад, 1951. С. 147.
- ²⁶ **Бердяев Н.А.** Духовный кризис интеллигенции. М., 1998. С. 236.
- ²⁷ **Флоровский Г.В.** Человеческая мудрость и премудрость Божия // Из прошлого русской мысли. М., 1998. С. 84.
- ²⁸ **Атеистическое** мировоззрение, как и **ненаучное** (терминологически), лишено, по определению, содержания, поэтому не может определяться через данный термин. Вместо атеистического следует говорить, например, материалистическое мировоззрение — в этом случае в понятии указывается то, на вере во что основывается данное мировоззрение (бытие материи также невозможно доказать, как и Бога).